

Георгий Чулков

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Федор Сологуб

Оригинал находится здесь: [Серебряного века силуэт...](#)

I

Я встретился с Федором Кузьмичом Тетерниковым в первый раз весной 1904 года в Петербурге на журфиксе у Мережковских. Федору Кузьмичу тогда было лет сорок, а мне еще не было и двадцати пяти. Он был уже зрелый, давно уже определившийся поэт, хотя публика знала его лишь по глупым рецензиям журналистов и не менее глупым пародиям Буренина¹. А я был начинающий писатель, автор книжки «Кремнистый путь» и только что появившейся тогда в «Весах» статьи «Светлеют дали»².

Сологуб, услышав мою фамилию и пожимая мне руку, сказал, лукаво шуря глаза:

— А по-моему, они темнеют...

Я конечно догадался, что поэт, намекая на заглавие моей статьи, иронизирует добродушно по поводу этой несколько восторженной литературной декларации. По неопытности я недоумевал, как мне надо отнестись к иронии моего почтенного собеседника. Но Сологуб сам помог мне выйти из затруднительного положения, переведя разговор на мои стихи.

У Сологуба тогда была борода, которую он впоследствии сбрил. Портрет Кустодиева³ очень удачен в отношении сходства. Сологубу можно было тогда дать лет пятьдесят и более. Впрочем, он был один из тех, чей возраст определялся не десятилетиями, а по крайней мере тысячелетиями — такая давняя человеческая мудрость светилась в его иронических глазах.

В одно из ближайших воскресений я получил от Сологуба приглашение его посетить. Он жил на Восьмой линии Васильевского острова, в доме Андреевского городского училища, где он служил в качестве инспектора.

Сологуб тогда еще не был женат, и в доме хозяйничала его сестра, Ольга Кузьминишна⁴. Это была приветливая, но несколько застенчивая и очень скромная пожилая девушка. Лицом она была похожа на брата. Ходила она по комнатам бесшумно, как ходят монахини. И во всем облике ее было что-то монашеское. И в доме была чистота и порядок, как в монастырских кельях.

Брат и сестра были чрезвычайно гостеприимны. Ужины они устраивали вкусные, угощая домашними соленьями и всякими яствами, и казалось, что ты сидишь не в Петербурге, а где-нибудь в далекой провинции, где люди хлебосольны и мастера готовить всякие настойки и закуски.

В салоне Мережковских шли горячие дебаты на религиозно-философские темы;